

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ANTHROPOLOGY OF CULTURE

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

СЛЕПОКУРОВ Виталий Сергеевич
доктор философских наук, профессор,
директор Института искусств и информационных технологий
Московского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного
университета профсоюзов,
Менделеево, Московская область, Российская Федерация
slepokurov.v@yandex.ru

ВАК: 5.6.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.005

Нормативные функции культуры в условиях ускорения социального времени

Статья носит полемический характер и нацелена на выявление основных принципов обеспечения эффективности нормативных функций культуры при осуществлении культурной политики в условиях ускорения течения социального времени. Материалами послужили теоретические концепции, связанные с прогнозированием ускорения течения социального времени, и примеры социокультурной рефлексии этого явления в социально-политическом дискурсе современного медийного пространства. Нормативные функции культуры рассмотрены в двух теоретико-методологических перспективах: структурно-функциональной и системно-деятельностной, включая диалогическую теорию конструктивной напряженности А. С. Ахиезера. Сформулирован вывод, что нормативные функции культуры в условиях ускорения течения социального времени необходимо не только рационально эксплуатировать, но и наращивать, чему может способствовать интенсификация художественной жизни при релевантной проактивной культурной политике.

Ключевые слова: нормативные функции, ускорение социального времени, культурный норматив, юридический норматив, социокультурная рефлексия, культурная политика, конструктивная напряженность.

Актуальность обращения к теме нормативных функций культуры в условиях ускорения социального времени сегодня продиктована, прежде всего, возрастающим разрывом между постоянными изменениями в культуре повседневности обыденного человека под прессингом интенсивно развивающихся цифровых технологий и юридическими нормативами, призванными регулировать изменения в общественных отношениях. С одной стороны, вполне естественно, что социальный заказ на совершенствование правовой сферы общественной жизни следует за обострением конфликтов и противоречий в неурегулированных законодательством областях: то есть сначала возникает конфликт интересов, затем он приобретает значимость негативной тенденции, которую следует урегулировать в конструктивном направлении, и лишь затем со свойственной законодательной власти неспешностью принимаются общественно значимые решения, снижающие в той или иной мере влияние сформировавшихся негативных тенденций. С другой – все чаще подобный механизм совершенствования правовой системы отстает от интенсивных изменений, особенно в инновационных областях жизнедеятельности общества. В этой связи следует поставить вопрос: способна ли в принципе правовая система исчерпывающе эффективно и своевременно реагировать на изменения, скорость которых продолжает усиливаться, или необходимы более эффективные меры не только реагирования на возникающие правовые лакуны, но и упреждения их возникновения?

Поставленный вопрос остается одним из дискуссионных в области государственной культурной политики, ведь именно ее проактивный характер, по мысли И. В. Малыгиной, наиболее релевантен сложившейся в России и мире ситуации и располагает потенциалом упреждения перспективных рисков и конфликтов [20]. В частности, проактивный характер носит анализ и учет перспективных рисков и угроз социокультурному развитию России, приведенный в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г., в которой в качестве одной из существенных угроз отмечена тенденция атомизации общества [27, с. 7]. Очевидно, что она

непосредственно связана с ускорением течения социального времени и усилением его асинхронии в различных культурных локациях (от межличностных отношений и связей между поколениями, в том числе и в среде субкультурных образований, к межкультурным, межконфессиональным, межэтническим и межрегиональным). В данной связи актуализируется вопрос о том, как культурная политика может отвечать на социокультурные вызовы с учетом значения культуры как нормативной системы, регламентирующей деятельность общества и личности.

Настоящее исследование направлено на выявление основных принципов, определяющих эффективность реализации нормативных функций культуры при проведении культурной политики в условиях ускорения течения социального времени. Материалом анализа в данном случае послужили как достаточно известные теоретические концепции, связанные с прогнозированием ускорения течения социального времени, так и отдельные примеры выражения социокультурной рефлексии этого явления в социально-политическом дискурсе современного медийного пространства.

В исследовании будет предметно рассмотрено усиление значения нормативных функций культуры в условиях ускорения социального времени в двух теоретико-методологических перспективах: а) в структурно-функциональной, в которую осмелимся поместить тезис, что постструктурализм не отказывается от функциональных представлений, хотя и заглядывает в предельную область отсутствия структуры (Р. Барт, Ж. Делез, Б. Латур и др.); в этой перспективе обратим внимание на концепцию «взрыва» Ю. М. Лотмана в теории самоописания семиотических систем, акцентирующей внимание на пределах скорости изменений смыслообразующих структур [18]; б) в системно-деятельностной (В. С. Степин [26] и др.), которая за счет систематизации и культурологической атрибуции (А. Я. Флиер [29] [30] [31], Г. В. Бакуменко [4] [5] и др.) отдельных теоретических представлений помещает их в непрерывный исторический процесс социокультурной рефлексии происходящих изменений,

включая диалогический принцип преодоления конструктивной напряженности традиции и новации (А. С. Ахиезер [2]).

Первая обозначенная теоретическая перспектива нацелена на уточнение условий, при которых та или иная цивилизационная доктрина предполагает максимальную эффективность культурной политики. Ее эвристический потенциал раскрывается в статье путем дополнения дихотомической структурной модели С. Б. Синецкого (Future- vs Retro-культура), предложенной им в ряде работ [23] [24]. Ее анализ, как и представленная в данном исследовании модель, направлены на совершенствование методического инструментария региональной культурной политики в условиях ускорения течения социального времени.

Вторая перспектива имеет целью уточнение социальных причин социокультурной рефлексии, вызванной ускорением течения социального времени, и рациональных теоретических оснований ее изучения.

Статья носит полемический дискуссионный характер, не претендует на однозначное завершение обсуждения достаточной острой проблемы эффективного использования нормативных функций культуры в условиях ускорения социального времени в рамках государственной культурной политики и предполагает продолжение теоретических дебатов.

В рамках структурно-функционального подхода профессор С. Б. Синецкий вполне обоснованно связывает типы реакции общества на постоянное увеличение количества культурно-детерминированных операций, осуществляемых в единицу времени (то есть ускорение социального времени) с доминирующей цивилизационной парадигмой культурной политики, противопоставляя инновационную Future-культуру и традиционалистскую Retro-культуру [24, с. 13–14].

Однако следует отметить и общее основание легитимации правовых нормативов вне зависимости от доминирующей в культурной политике парадигмы – эффективность администрирования или регуляции (то есть исполнения юридических нормативов различного уровня от локальных приказов и распоряжений до стратегического планирования) зави-

сит от соответствия¹ регулирующих решений реально существующим культурным практикам и представлениям общества, которые в свою очередь детерминированы на базовом уровне культуры совокупностью культурных нормативов (морально-нравственных, религиозных, мировоззренческих и пр.) [25, с. 8–10].

В принципе, для эффективности управленческого решения или законодательной инициативы важно именно соответствие юридических усилий базовым культурным нормам. Несоответствие принятого решения реальной ситуации в обществе, безусловно, можно усилить неотвратимостью наказания за несоблюдение нового норматива (причем вне зависимости от доминирующей парадигмы Future- или Retro-культуры), но нельзя ожидать, что он станет культурной нормой в несоответствующей ему культуре без предварительного разрушения глубинных ценностных оснований самой этой культуры.

Вполне очевидно в этой связи, что эффективное использование заложенного в культуре потенциала регуляции жизнедеятельности общества [26] менее затратно и более экологично [17], нежели разрушение фундаментальных оснований культуры для воплощения в жизнь какой бы то ни было инновации. Ведь разрушение уже сложившихся связей, обеспечивающих жизнедеятельность общества, потребует революционного переустройства, реновации всего общества и комплексной модернизации общественных отношений, которые регулируются в том числе нормами культуры, сформированными на протяжении столетий. Собственно, уместно в данном случае сравнение с принятием решения о сносе исторического здания только на том основании, что его конструкция не позволяет существенно расширить фасадные окна или достроить дополнительный этаж. Безусловно, и в одном, и в другом случае следует тщательно взвесить ожидаемые преимущества от реновации с объемами затрат на нее.

¹ Соответствие не означает тождество. Юридические нормы, как известно, могут закреплять сложившиеся практики, максимально соответствуя культурным нормам, или проектировать перспективно желаемую ситуацию, соответствуя некоторому идеалу, необязательно закрепленному в сложившихся практиках – *Прим. авт.*

Собственно, Future- и Retro-культуру С. Б. Синецкий условно различает по принципу доминирования ценностного приоритета либо новации (условно *хорошо*) в противовес традиции (условно *плохо*), либо традиции (условно *хорошо*) в противовес новации (условно *плохо*). Вместе с тем диалектика традиции и новации, их взаимосвязь и эпистемологическая взаимо-определенность (одно без другого не определяется) говорит об условности такой дихотомии. Новое не тождественно лучшему. Развитие составляет не доминирование «нового» над «старым», а рутинизация и автоматизация хорошо зарекомендовавшего себя «старого», на базе которого становится возможным реальная инновация: то есть отсеивание лучшего в ущерб отжившему или, наоборот, новоизобретенному, но нефункциональному инструменту. В противном случае общество не развивается, а скатывается в инверсионную ловушку [2, с. 194–195], постоянно переизобретая велосипед [6], не успевая прежнюю его конструкцию в достаточной степени оценить и запечатлеть в коллективной памяти. Приоритет «нового» над «старым» всего лишь идеологический паллиатив (временный инструмент, «костыль») в сильной стратегии ресакрализации духовных практик [36] – в маркетинговой технологии адаптации потребителя к мнимой новации в постиндустриальном обществе.

Предложенная С. Б. Синецким типологическая модель дихотомии Future- и Retro-культур обладает определенным эвристическим потенциалом маркирования цивилизационного уклада отдельных российских регионов, но следует учитывать абстрактность обозначенных в ней крайних пределов. В реальности Future-культура в чистом виде не может существовать, поскольку концепты прошлого и будущего не исключают друг друга, а взаимопределяются. Другой вопрос, что парадигма доминирования новации над традицией, предполагающая постоянную пересборку социальной реальности не в прошлом и не в будущем, а непосредственно в настоящем [15], ограничена адаптивной способностью культуры, способностью общества адекватно (в интересах позитивного образа будущего) реагировать на возрастающий массив изменений в различ-

ных пластах и областях социальной реальности. Не только скорость, но и объем (количество и масштабы) изменений влияют на достижение обществом ризомного состояния [11] [12]: допустимого предела объема изменений, к которому стремится Future-культура. Социально-психологический концепт футурошока Э. Тоффлера описывает как раз такой предел [28] [63], пересечение которого ведет к неспособности отличать новое от старого, новации от традиции, изменения от их отсутствия: этот ступор характеризуется неспособностью общества к генерации положительного образа будущего, консолидирующего коллективные усилия по его достижению.

По аналогии следует указать, что и Retro-культура имеет объективные пределы рационального развития, когда доктрина сохранения накопленного опыта (традиции) консервируется и догматизируется настолько, что любая новация в образе будущего представляет для нее угрозу и подавляется доминирующим реакционно-консервативным сознанием. Складывается ситуация, когда образ «светлого будущего» утрачивает свою актуальность и не консолидирует общество, а внесение в него изменений табуируется идеологической догматикой.

Наш тезис сводится к тому, что в обоих предельных случаях базовые нормативы культуры перестают функционировать. Поэтому различные по содержанию идеологические доктрины, основанные на ценностных доминантах Future- или Retro-культур, ведущие общество к достижению того или иного предела адекватной реакции на происходящие изменения, в чистом виде в равной степени пагубны. В обоих предельных состояниях перестает функционировать регулятивный механизм культуры и любые управленческие решения, не обеспеченные террором и насильем, обществом не исполняются, поскольку теряют культурную ценность как разрешения имманентного противоречия между традицией и новацией.

Коллеги уже писали об этом [1] [8] [14], анализируя теорию самоописания семиотических систем Ю. М. Лотмана [18]. Дихотомия бинарных концептов («хорошо / плохо», «Future / Retro» и пр.), согласно теории выдающегося

советского семиотика, отражает бинарность культуры – фундаментальную характеристику культурной динамики в плане самоописания составляющих ее семиотических систем. Помимо бинарных существуют и тернарные соотношения базовых концептов [18, с. 261–262] (к примеру, когда верх и низ, право и лево определяются не посредством друг друга, а по отношению к середине – к некоторой медианте). Бинарные системы в историческом контексте, по мысли Ю. М. Лотмана, устойчивы. По мере приближения к пределу самоописания возрастает риск революционных смысловых сдвигов (к примеру, замены «хорошо» на «плохо») – риск семиотического «взрыва» [18, с. 257]. Динамику культуры составляют как раз сложные процессы самоописания семиотических систем, противопоставленные «взрыву». Культура противопоставлена Ю. М. Лотманом «взрыву», поскольку в условиях происходящих с нарастающей скоростью изменений взрывного характера перестают функционировать ее регулирующие функции. Изменения необходимы и неизбежны, поскольку обусловлены неотвратимым процессом расширения и пересечения (а в случае «взрыва» – столкновения) семиосфер различных культур.

Характеризуя русскую культуру как преимущественно бинарную, Ю. М. Лотман обратил внимание, что бинарную дихотомию «хорошо / плохо» существенно дополняет правовая медианта «законно», трансформируя со временем бинарную систему в тернарную. Краснодарские же коллеги приходят к выводу, что коль скоро возможен переход бинарной системы в тернарную, возможен и обратный переход [8, с. 187]. Из чего, на наш взгляд, следует вполне логичный вывод: нарастающая скорость изменений как следствие пересечения или столкновения семиотических систем в условиях интенсификации межкультурной коммуникации предвещает «взрыв» или характеризует саму волну «взрыва», сопровождающуюся серьезными социальными потрясениями, девальвирующую культурные основания и, соответственно, отрицающую эффективность любых управленческих решений, не обеспеченных принуждением.

На неизбежность конструктивной напряженности указывает и А. С. Ахиезер, обращая внимание не только на различия ведущих доктрин (в рамках Future замещается старое новым, а в Retro – новое старым), но и на качество изменений. По его мысли, простейшей реакцией на инновацию является инверсия концептов культуры, в то время как прогресс составляет медиация старого и нового [2, с. 69–70]. Соответственно, нет разницы, каков вектор инверсии (к старому или к новому), общество может оказаться в инверсионной ловушке постоянной пересборки базовых культурных концептов, не отличая старого от нового, в то время как более сложная логическая процедура медиации определяет место управляющего центра в сложной системе социальной коммуникации. Именно генерация ценностных медиант определяет продуктивность управляющего центра, способного консолидировать коллективные усилия общества по преодолению конструктивной напряженности между традицией и новацией.

Таким образом, нормативные функции культуры в условиях ускорения социального времени сохраняются до некоторого предела, который достигим, но не желателен в любой из модальностей цивилизационной доктрины (будь то Future или Retro). Для обеспечения же эффективности нормативных функций культуры необходимо не противопоставление бинарных модусов, а их медиация в рамках культурной политики. Это означает, что для региона, маркированного индикатором «Future», культурная политика должна быть направлена на пропаганду традиции, в то время как для региональной Retro-культуры необходима политика поддержки инноваций.

Системно-деятельностная теоретическая перспектива позволяет отнести научные представления к одной из форм социокультурной рефлексии.

По мнению С. Б. Синецкого, «одним из первых в новейшей истории обозначил феномен ускорения времени» Элвин Тоффлер [24, с. 9] в своем нашумевшем бестселлере 1970 г. «Шок будущего» [28]. Книга бывшего студента-радикала, сварщика и газетного репортера, разошедшаяся в первом же издании тиражом в 6 миллионов экземпляров, подго-

товленная к публикации не без участия супруги Элвина Хайди Тоффлер (не указана как соавтор, так же как и в последующих не менее известных его трудах¹), покорила умы современников, была неоднократно переиздана, в том числе и на многих языках. Базовый термин «футурошок» (*Future Shock*), означающий социально-психологическую реакцию, снижающую адаптивные способности общества вследствие критического объема и скорости происходящих изменений, Э. Тоффлером был введен в теоретический оборот пятью годами ранее в полемическом журнале об искусстве «Horizon» [63] и не вызвал столь бурной реакции.

Следует отметить некоторый скепсис академических кругов, прежде всего в США второй половины XX в., в отношении попыток независимых ученых обновить теоретико-терминологический инструментарий социально-гуманитарного знания нетривиальными концепциями и трактовками. Не только Э. Тоффлер, но и его старший современник канадский культуролог М. Маклюэн (прежде всего в своих первых футурологических манифестациях «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека» (1951) [53], «Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего» (1962) [54], «Понимание медиа: Внешние расширения человека» (1964) [19] и др.) заговорили не с академиками на их сухом языке, а непосредственно с критически мыслящей аудиторией молодых интеллектуалов. С легкостью они вводят в теоретический оборот собственные термины и небесспорные метафоры, обосновывая вполне логичные последствия новой исследовательской оптики в качестве ее эвристического достоинства.

К примеру, П. С. Гуревич так комментирует первые впечатления от знакомства с работами Э. Тоффлера: «Когда в начале 70-х годов в наших журналах появились отдельные отрывки из книги Элвина Тоффлера “Шок будущего”, мы читали эти страницы как некий фантастический роман. <...> Книга Тоффлера – продукт яркого социального воображения. Хотя автор постоянно ссылается на научные публикации, статистику, бытовые примеры, его работа раскрывает во многом мир

фантазии, продуктивного заглядывания в будущее» [10, с. 4–5].

Настороженность академического сообщества относительно первых программных сочинений М. Маклюэна и Э. Тоффлера, принесших авторам широкую известность, объясняется отсутствием прямой связи их работ с доминирующими в западной науке того времени теоретическими представлениями и традициями. Смелая авторская интерпретация известных в сфере социально-гуманитарной науки теорий лишь с целью представить оригинальную авторскую теоретическую оптику (по существу деконструктивизм) в обоих случаях апеллирует не только к накопленному теоретическому опыту, но и полагает достигнутый теоретиками результат в перспективу будущего: дескать, смотрите, что можно увидеть в будущем, если настроить окуляры (способы интерпретации реальности) определенным образом. Авторы тем самым отказываются от самой возможности верификации и апробации достигнутого им результата, полагая такую возможность лишь в одном из вероятных вариантов будущего. Футурологические прогнозы в данном случае даже не самоцель, а предложенные для верификации критерии научности полученных результатов.

В отличие, например, от теоретически обоснованных прогнозных моделей Френсиса Фукуямы [32] или Гордона Мура [55], развивающих сложившиеся традиции, нашумевшие труды М. Маклюэна и Э. Тоффлера сами по себе не содержат достаточных теоретических оснований им доверять, в этом они ближе к художественной или общественно-политической рефлексии, нежели к теоретической. И в таком случае важнее популярность их книг, чем отложенный в перспективу эффект приращения научного знания, поскольку эта популярность свидетельствует об отрыве молодого поколения интеллектуалов (читателей) 1960–1970-х гг. от потерявшей в их среде актуальность теоретической традиции максимальной объективации, формализации и обезличивания научных представлений. Субъективная оценка настоящего и будущего становится важнее теоретического формализма. И со временем оказывается, что не имеет значения, был ли верен футурологический

¹ См. об этом [49] [60] – Прим. авт.

прогноз, повлияло ли его идеологическое содержание на трансформацию настоящего в предсказанное будущее. Хотя на деле имплицитно, а может и в результате рационального расчета, авторами был выбран оптимальный комплекс теоретических метафор, усиливший понятийно-терминологический аппарат так, что та или иная трактовка метафоры успешно характеризует наступившее будущее.

Обратим внимание, что и М. Маклюэн, и Э. Тоффлером удачно интерпретируется теория сжатия пространства-времени без прямой отсылки к не очень-то популярному до определенной поры в академических кругах Запада марксизму. Если М. Маклюэн акцентирует внимание на пространственных метаморфозах [19], то Э. Тоффлер – на темпоральных, хотя они диалектически взаимосвязаны как в физическом, так и в социальном смыслах. Именно концепция К. Маркса «аннигиляции пространства временем» (“annihilation of space by time”) [50, p. 539]¹ исторически впервые была положена в основание теоретической критики (1858–1859). В 1960–1970-е гг. отношение к марксизму в США меняется, особенно в среде радикальной студенческой молодежи. Укладывается в наметившийся «левый» тренд и разворот от функционализма к марксистской критике городской географии, заявленный в 1973 г. Дэвидом Харви [40]. Им же в 1990-х гг. развивается именно марксистская теория поглощения капиталом пространства и времени, в которой исследователь указывает на неизбежность ускорения течения социального времени как особой формы коммодификации и капитализации нематериальных ресурсов общества [41]. Сжатие социального времени, по его мысли, – естественное следствие усиления капиталистического гнета производственных сил и ресурсов, а асинхрония течения социального времени – наглядное проявление конкурентной борьбы транснационального капитала за тающие на глазах материальные и нематериальные ресурсы. Анализируя происходящие перемены в культуре второй половины XX в. в западных странах, Д. Харви отмечает,

что изменяется не экономическая структура или социально-политическое устройство, а качественная сфера эксплуатации человека: основные правила капиталистического накопления остаются неизменными, но они все глубже проникают в нематериальную сферу идей и идеологий, образа жизни и базовых ценностей, эксплуатируя интеллектуальную сферу воспроизводства культуры.

Среди схожих с Д. Харви взглядов на Западе следует отметить политэкономическую концепцию экологии культуры профессора Свободного университета Берлина Элмара Альтфатера [33] [34]. Он отмечает, что так называемый «свободный рынок» (капиталистический уклад) никогда в своей истории не был свободным, но в отличие от плановой социалистической экономики, в основе которой ученый усматривает рациональное отношение к материальным и нематериальным ресурсам, «свободный рынок» в своих глобальных амбициях экологически расточителен. Запад, по существу, живет в долг, перекладывая собственные обязательства перед быстро надвигающимся будущим на страны иного хозяйственного уклада, пользуясь провозглашенной мнимой свободой, а на деле безответственностью перед будущим в качестве конкурентного преимущества. Погоня за сохранением или накоплением этого конкурентного преимущества является причиной ускорения течения социального времени, сопровождающегося разграблением пространства. Аналогия глобальных амбиций Запада с «мыльным пузырем» финансовых пирамид Э. Альтфатера не выглядит метафорой, за ней стоят убедительные аргументы и расчеты. Одним из существенных аргументов является констатация неспособности западной так называемой «инновационной культуры» (Future-культуры) отказаться от разграбления будущего в угоду мнимых сиюминутных конкурентных преимуществ, которые моментально теряют ценность в условиях экологического кризиса, и неспособности этой самой культуры сформулировать конструктивную программу (план) его преодоления.

Из критики Д. Харви на Западе заслуживает внимания мнение британского специалиста в области культурной географии

¹ Российскому читателю работа К. Маркса известна больше в ее редакции Ф. Энгельсом (см. [21, с. 489–499]) – Прим. авт.

марксистско-феминистских убеждений Дорин Мэсси. Существенным выглядит ее тезис, что любые идеи об ускорении социального времени следует рассматривать в конкретных локальных социокультурных контекстах [51, р. 146–156]. Любые процессы, по ее мнению, нуждаются в социальной дифференциации: реакция людей на ускорение времени сложна и разнообразна, в то время как теория сжатия времени и пространства, по существу, укладывается в глобалистскую идеологию, преследующую цель стереть чувство локальности, замаскировать динамику культурного воспроизводства в «местах встречи»¹ безальтернативной доктриной.

Таким образом, наиболее систематически проблема ускорения течения социального времени в западной науке рассматривается и продолжает изучаться с марксистских и неомарксистских критических позиций [57] [58] [59]. Э.Тоффлера сложно считать одним из первых ее исследователей, учитывая маргинализированные на Западе труды марксистов и возрастающую там же во второй половине XX в. популярность неомарксизма. «Левый» крен социокультурной рефлексии на Западе во многом продиктован антиглобалистской повесткой и перманентной неуверенностью западной молодежи в своем завтрашнем дне. Достаточно упомянуть «Пятницы ради будущего», инициированные в 2018 г. шведской школьницей Гретой Тунберг, и ее эмоциональную речь с трибуны Генассамблеи ООН, разорванную на цитаты всеми мировыми СМИ: «Вы украли мои мечты и мое детство своими пустыми словами, и все же я одна из тех, кому еще повезло. <...> Мы находимся в начале массового вымирания, а все, о чем вы можете говорить, – это деньги и сказки о вечном экономическом росте. Как вы смеете!»² [9] Пафос

¹ Термин позаимствован Д.Мэсси из социологии и переосмыслен как географически определенное место, которое непосредственно участвует в воспроизводстве уникальной культурной идентичности и обладает именно в этой культуре статусом особой ценности (к примеру, мечеть для мусульман, православный храм для православных христиан, так же как определенный спортивный клуб для фанатов или Эверест для альпинистов) – *Прим. авт.*

² Перевод информационно-аналитического интернет-портала «МИР24» – *Прим. авт.*

Г.Тунберг опирается на тезис, что будущее принадлежит не сильному миру сего, а ей и ее сверстникам, но в отсутствии положительно-го образа этого будущего складывается впечатление, что оно украдено.

Удивительным образом, как только пафос этот был подхвачен медийными транснациональными корпорациями, он стал неотъемлемой частью глобальной повестки. Наблюдается в действии тезис М.Маклюэна, что средства передачи сообщения сами являются сообщением [19, с. 16]. Генассамблея ООН не стала «местом встречи», как и информационное пространство глобальных СМИ. По мысли Б.Латура и ряда сторонников акторно-сетевой теории, для того чтобы декларации или какие-либо иные провозглашенные нормативы возымели действие, необходимо их «приземление» [48] [62] – локализация норматива в живых практиках, которые, как мы уже отмечали, детерминированы базовым уровнем культурных норм. Соответствие нового норматива обязательно должно стремиться к тождеству с закрепленными в практиках традициями, но функционально определяться как конструктивная программа разрешения имманентного противоречия между традицией и новацией. Безальтернативный же пафос Г.Тунберг в отсутствие подобной программы легче интегрируется посредством инверсии в глобалистскую безальтернативную доктрину, преследующую целью стереть чувство локальности, чем в динамику культурного воспроизводства в «местах встречи», предполагающую медиацию новации со сложившимися представлениями.

Экологическая повестка, теряющая конструктивность в результате инверсии ее ценностных установок в глобальные доминанты, на вершине которых продолжает оставаться фетиш экономического роста, не единственная доктрина пересборки социальности на Западе [7] [52] [61]. В последние годы существенным образом переосмысливается и концепция технологического прогресса, обретшая форму сциентистской идеологии сингуляризма [39], которая в рамках трансгуманизма, деструкции не только гендерной, но и биологической идентичности челове-

ка предполагает достижение в ближайшей перспективе (2045) бессмертия [47, р. 136]. Концепция технологической сингулярности Р. Курцвейла строится на экспликации закона Г. Мура, на основе математической модели предсказавшего в 1965 г. экспоненциальный рост электроники [55], в область передовых конвергентных технологий [44] [45] [46] [47]. Несмотря на то, что и сам закон Г. Мура, по мнению ряда аналитиков, теряет актуальность [43] [64], и предложены существенные контраргументы курцвейловской логике ускорения развития технологий [13] [38] [42], включая сомнение в главной ее детерминанте – сильном искусственном интеллекте [22], обзоры специальной литературы [56] и расчеты экономических тенденций [35] в странах Запада демонстрируют достаточные основания для распространения массового сингуляризма в интеллектуальной среде. Остроту вопроса для западного общества артикулировал Такер Карлсон, интервьюируя не так давно А. Г. Дугина [37]. Известный консервативными взглядами философ указал, что за распространением сингуляризма усматривает очередную уловку либертарианства, схожую с симулякр, свидетельствующую, по его мнению, лишь об отсутствии конструктивной программы социокультурного развития.

Если рассматривать системно все эти повестки как формы социальной рефлексии в контексте теории конструктивной напряженности, то в них на самом деле нет ничего нового. В действительности не инновация берется на вооружение глобальной доктриной, а инверсия средневековых эсхатологических страхов. Западная цивилизация, потеряв связь с базовыми нормативами собственной же культуры, попала в инверсионную ловушку постоянной пересборки социальности: вместо конструктивной программы развития западной политической элитой нещадно эксплуатируется средневековый пережиток, который многократно тиражируется массовой «инновационной» культурой, уже не отличающей «старого» от «нового».

Вместо циклической циркуляции векторов регуляции и управления в символических пространствах базовых культурных норм, норм социокультурных практик и интерпре-

тационных норм управления (см. [25, с. 10]), Запад стремится сохранять свое доминирующее положение, в качестве конкурентного преимущества навязывая собственные интерпретационные нормы (по существу директивы) без учета сложившихся в различных культурно-географических локациях практик и определяющих их культурных норм [25, с. 11]. Не обеспеченная соответствием культурным практикам и базовым культурным нормам директива, как отмечено выше, не только не может быть исполнена без террора и насилия со стороны управляющего центра, но и разрушает веками создававшийся культурный базис. Отсюда и сопротивление Востока и Юга, обладающих богатейшими самобытными традициями, разрушающей их культуре вестернизации – экспансии однополярного мира.

Нормативные же функции российской культуры в условиях ускорения социального времени позволили сгенерировать новую медианту социокультурного развития. В рамках внутренней культурной госполитики она выражается в доктрине сохранения культурной самобытности регионов и расширении субъектности местной власти и общества в лице общественных организаций, бизнеса, творческой и научной интеллигенции. Самобытность общенациональной культуры России строится на сохранении и развитии культур населяющих ее регионы народов. Та же культурная медианта, основанная на признании ценности и уважении самобытности культуры любого народа, заложена в государственную доктрину международных отношений, артикулированную руководством страны в рамках концепции многополярного мира.

Российская культура переживала уже периоды существенного ускорения течения социального времени. Вслед за Европой, где в XIX в. социокультурная рефлексия выразилась, в том числе, в марксистской концепции аннигиляции пространства-времени, аналогичные проблемы попадают в художественную рефлексию русской классической литературы, где фундаментальные изменения, связанные с девальвацией традиционного механизма передачи культурного опыта

из поколения в поколение, становится одной из ведущих тем: «Отцы и дети» И. С. Тургенева (1861), «Война и мир» Л. Н. Толстого (1869), «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского (1880) и др. С ростом национального самосознания, интенсификации которого способствовали события Отечественной войны 1812 г. и победа русского духа над покрившими Европу идеалами Великой французской революции, чуткая к существенным изменениям в общественном сознании литература акцентирует внимание на том, что механизм накопления культурного опыта традиционной культуры, требующий для выработки общих ценностей и нормативов длительного исторического времени, жизни и смены нескольких поколений, перестает работать под влиянием ускорения интеграционных межкультурных процессов как по географической горизонтали (к примеру, Россия – Европа), так и по вертикали исторического времени. В орбиту художественной рефлексии русской литературы попадают как проблемы становления культуры личности («тварь ли я дрожащая или право имею...» у Ф. М. Достоевского), так и их масштабируемость на уровень межкультурных отношений («что русскому хорошо, то немцу – смерть» в осмыслении Н. С. Лескова). Перенос в художественное пространство сложных вопросов современности сходен с виртуализацией поиска их решений [3], с созданием в художественной жизни подобия лаборатории разработки гуманитарных технологий снижения и преодоления текущих и перспективных рисков и угроз, связанных с общественным развитием. Интенсивность и продуктивность художественной жизни во второй половине XIX в. подготовила Серебряный век русской культуры, преодолев риски ускорения социального времени.

Между тем попытка приостановить набранный к концу XIX в. темп социокультурных изменений в обществе возобладавшем реакционно-консервативным сознанием привела не к торможению развития, а к асинхронии течения социального времени в различных социальных слоях. Известное определение революционной ситуации В. И. Лениным (когда верхи не могут управлять, а низы не хо-

тят жить по-старому¹) уже на теоретической базе марксизма фиксирует рефлексии кризиса этой асинхронии. Попытка революционных преобразований политической системы привела лишь к «взрыву» базовых культурных смыслов, в условиях которого оказались тщетны законы и директивы, не подкрепленные террором и насилием.

* * *

Итак, в результате проведенного исследования можно сформулировать несколько выводов. Во-первых, нормативные функции культуры в условиях ускорения социального времени сохраняются до некоторого предела, который достижим, но не желателен в любой из модальностей цивилизационной доктрины (будь то Future или Retro). Для обеспечения эффективности нормативных функций культуры необходимо не противопоставление бинарных модусов, а их медиация в рамках культурной политики.

Во-вторых, наиболее систематически проблема ускорения течения социального времени рассматривается и продолжает изучаться с марксистских и неомарксистских критических позиций. Усиление же критических позиций системным подходом позволяет заключить, что нормативные функции культуры в условиях ускорения течения социального времени необходимо не только рационально эксплуатировать, но и наращивать, что по опыту второй половины XIX в. может обеспечить интенсификация художественной жизни при релевантной сложившейся ситуации проактивной культурной и просветительской политике. Этому способствует современная социокультурная ситуация, отличающаяся высоким темпом и масштабом происходящих изменений.

В-третьих, представляется, что в современных условиях полагаться исключительно на эксплуатацию уже накопленного культурой нормативного потенциала, равно и на то, что имманентный межпоколенческий механизм накопления нормативного потенциала традиционной культурой разрешит противоречия

¹ «Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для неё требуется ещё, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде» [16, с. 300].

новой цифровой эпохи или перспективных изменений, – явно паразитарная недалёковидная позиция. Сегодня для разрешения текущих противоречий необходимо с опорой на нако-

пленный минувшими поколениями потенциал наращивание опыта реализации культурной политики, что обеспечит значительные инвестиции в перспективное будущее.

Vitaly S. SLEPOKUROV

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Institute of Arts and Information Technologies, Moscow Branch,
Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences,
Mendeleevo, Moscow Oblast, Russian Federation
slepokurov.v@yandex.ru

Normative Functions of Culture in the Context of Social Time Acceleration

Abstract. The article is polemical in nature and is aimed at identifying the basic principles of ensuring the effectiveness of the normative functions of culture in the implementation of cultural policy in the context of the acceleration of the flow of social time. The materials are theoretical concepts related to predicting the acceleration of the flow of social time, and examples of a sociocultural reflection of this phenomenon in the sociopolitical discourse of the modern media space. The normative functions of culture are considered in two theoretical and methodological perspectives: structural-functional and system-activity, and are assessed, among other things, in the context of the dialogical theory of constructive tension by Alexander Akhiezer. The first theoretical perspective is aimed at clarifying the conditions under which this or that civilizational doctrine presupposes the cultural policy's maximum effectiveness. Its heuristic potential is revealed in the study by supplementing the dichotomous structural model of "Future- vs Retro-culture" proposed by the Russian cultural researcher Sergei Sinetsky. The second perspective aims to clarify the social causes of sociocultural reflection caused by the acceleration of social time and the rational theoretical foundations for its study. As a result of the study, several principles were formulated that ensure the effectiveness of the functioning of culture as a normative system in the context of the state cultural policy: (1) innovative Future-cultures or traditionalist Retro-cultures have objective limits of rational development, after crossing which the basic norms of culture cease to function; to ensure the effectiveness of the normative functions of culture, it is necessary not to oppose these binary modes, but rather to mediate them within the framework of cultural policy; (2) the normative functions of culture in the context of social time acceleration must be not only rationally exploited, but also increased, which can be facilitated by the intensification of artistic life with a relevant proactive cultural policy; (3) in modern conditions, it is impossible to rely solely on the exploitation of the normative potential already accumulated by culture, since the intergenerational mechanism of its accumulation by traditional culture will not resolve all the contradictions of the new digital era; therefore, it is necessary to build up experience in the implementation of cultural policy, which will ensure significant investments in a promising future.

Keywords: normative functions, social time acceleration, cultural norm, legal norm, sociocultural reflection, cultural policy, constructive tension.

Использованная литература:

1. Астафьева О. Н. Гуманитарный дискурс Ю. М. Лотмана: семиотическая интерпретация динамики культуры // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 156–159.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика

References:

1. Astaf'eva, O.N. (2023) Gumanitarnyy diskurs Yu. M. Lotmana: semioticheskaya interpretatsiya dinamiki kul'tury [Humanitarian Discourse of Yu. M. Lotman: A Semiotic Interpretation of the Dynamics of Culture]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 156–159.

ка России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.

3. Бакуменко Г. В., Лугинина А. Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» // Журнал фронтальных исследований. 2022. Т. 7, № 1 (25). С. 265–293. DOI 10.46539/jfs.v7i1.379.

4. Бакуменко Г. В. Междисциплинарный потенциал культурологической атрибуции // Культурология в теориях и практиках: к 30-летию кафедры культурологии Моск. пед. гос. ун-та: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 ноября 2021 г.) / ред. А. А. Шевцова, Е. М. Шемякина. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2022. С. 50–61.

5. Бакуменко Г. В. Метатеоретический аспект культурологии // Культурное наследие – от прошлого к будущему: программа и тезисы докладов: V Российский культурологический конгресс с междунар. участием (Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г.). М.: Ин-т Наследия, 2021. С. 39.

6. Бакуменко Г. В. Пределы культурной травмы в условиях COVID-19 // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 1–3 апреля 2021 г.) / ред. В. А. Веремченко. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2021. С. 61–66.

7. Балацкий Е. В. Глобальные вызовы четвертой промышленной революции // TerraEconomicus. 2019. Т. 17, № 2. С. 6–22. DOI 10.23683/2073-6606-2019-17-2-6-22.

8. Горлова И. И., Бакуменко Г. В., Коваленко Т. В. История как культурный текст: к вопросу о методе интерпретации символов успеха в культуре // Право и практика. 2017. № 1. С. 183–188.

9. Грета Тунберг – мессия «зеленых» или жертва пиара? [Электронный ресурс] // МИР24: информационно-аналитический интернет-портал. URL: <https://mir24.tv/articles/16379887/greta-tunberg-messiya-zelenyh-ili-zhertva-piara> (дата обращения: 14.08.2024).

10. Гуревич П. С. Бог поразительных преобразений // Тоффлер Э. Шок будущего / ред., вступит. ст. П. С. Гуревич. М.: АСТ, 2002. С. 3–14.

11. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

12. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Сvirского; ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 896 с.

13. Коротаев А. В. Новые технологии и сценарии будущего, или Сингулярность уже рядом? // История и синергетика: методология исследования / ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: Либрокомм; URSS, 2010. С. 183–191.

14. Костина А. В., Флиер А. Я. Тернарная функциональная модель культуры (начало) // Культура культуры. 2024. № 1. С. 44–53.

15. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. И. Полонская. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 384 с.

2. Akhiezer, A.S. (1997) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta: sotsiokul'turnaya dinamika Rossii* [Russia: Critique of Historical Experience: Sociocultural Dynamics of Russia]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.

3. Bakumenko, G.V. & Luginina, A.G. (2022) Virtualization of the Socio-Cultural Frontier “Tertius Romae”. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 7:1 (25). pp. 265–293. (In Russian). DOI: 10.46539/jfs.v7i1.379

4. Bakumenko, G.V. (2022) [Interdisciplinary Potential of Cultural Attribution]. *Kul'turologiya v teoriyakh i praktikakh: k 30-letiyu kafedry kul'turologii Mosk. ped. gos. un-ta* [Cultural Studies in Theories and Practices: On the 30th Anniversary of the Department of Cultural Studies of the Moscow Pedagogical State University]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 25–26 November 2021. Moscow: Moscow Pedagogical State University. pp. 50–61. (In Russian).

5. Bakumenko, G.V. (2021) [Metatheoretical Aspect of Cultural Studies]. *Kul'turnoe nasledie – ot proshlogo k budushchemu* [Cultural Heritage – From the Past to the Future]. Program and Abstracts of Reports of the V Russian Cultural Studies Congress With International Participation. St. Petersburg. 8–10 November 2021. Moscow: Heritage Institute. p. 39. (In Russian).

6. Bakumenko, G.V. (2021) [Limits of Cultural Trauma in the Context of COVID-19]. “Vyzov” v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost’ [“Challenge” in Everyday Life of the Population of Russia: History and Modernity]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 1–3 April 2021. St. Petersburg: Leningrad State University Named After A.S. Pushkin. pp. 61–66. (In Russian).

7. Balatskiy, E.V. (2019) Global Challenges of the Fourth Industrial Revolution. *Terra Economicus*. 17 (2). pp. 6–22. (In Russian). DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-6-22

8. Gorlova, I.I., Bakumenko, G.V. & Kovalenko, T.V. (2017) Istoriya kak kul'turnyy tekst: k voprosu o metode interpretatsii simvolov uspekha v kul'ture [History as a Cultural Text: On the Method of Interpreting Symbols of Success in Culture]. *Pravo i praktika*. 1. pp. 183–188.

9. MIR24. (2024) *Greta Tunberg – messiya “zelenykh” ili zhertva piara?* [Greta Thunberg: The Messiah of the “Greens” or a PR Victim?]. [Online] Available from: <https://mir24.tv/articles/16379887/greta-tunberg-messiya-zelenyh-ili-zhertva-piara> (Accessed: 14.08.2024).

10. Gurevich, P.S. (2002) Bog porazitel'nykh preobrazheniy [God of Astonishing Transformations]. In: Toffler, A. *Shok budushchego* [Future Shock]. Translated From English. Moscow: AST. pp. 3–14.

11. Deleuze, G. & Guattari, F. (2007) *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated From French by D. Kralechkin. Yekaterinburg: U-Faktoriya. 672 p.

12. Deleuze, G. & Guattari, F. (2010) *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated From French by Ya. I. Svirskiy. Yekaterinburg; Moscow: U-Faktoriya; Astrel'. 896 p.

13. Korotaev, A.V. (2010) Novye tekhnologii i stsennarii budushchego, ili Singulyarnost' uzhe ryadom? [New Technologies and Scenarios of the Future, or Is Singularity Already Near?]. In: Malkov, S.Yu. & Korotaev, A.V. (eds) *Istoriya i sinergetika: Metodologiya issledovaniya* [History and Synerget-

16. Ленин В. И. Маёвка революционного пролетариата // Полн. собр. соч. Т. 23. М.: Изд-во полит. лит., 1973. С. 296–305.
17. Лихачев Д. С. Экология культуры // Памятники Отечества: альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1980. № 2. С. 10–16.
18. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Прогресс; Гнозис, 1992. 271 с.
19. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, 2003. 462 с.
20. Малыгина И. В. Культурология «после глобализации»: время собирать камни // Культурное наследие – от прошлого к будущему: прогр. и тез. докл. V Российский культурологический конгресс с междунар. участием (Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г.). М.: Ин-т Наследия, 2021. С. 34–35.
21. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. 771 с.
22. Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики / пер. В. О. Малышенко. М.: URSS, 2022. 416 с.
23. Синецкий С. Б. Концепты «Retro» и «Future»: актуальные индикаторы типологизации регионов // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов: сб. науч. тр. IX Междунар. конф. (Челябинск, 14 ноября 2014 г.) / ред. Л. В. Виницкий, Е. А. Захарова, С. Б. Синецкий [и др.]. Челябинск: Челябин. ин-т экономики и права им. М. В. Ладощина, 2014. С. 196–199.
24. Синецкий С. Б. Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы культурной политики в XXI веке // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире: сб. ст. Будапешт: Selmechi Bt.; Киров: Радуга-ПРЕСС, 2019. С. 8–17.
25. Слепкоуров В. С. Геополитические вызовы и стратегическое целеполагание системы российского образования в сфере культуры // Культура и образование. 2023. № 3 (50). С. 5–14. DOI 10.2441/2310–1679–2023–350–5–14.
26. Степин В. С. Культура // Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 524–526.
27. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г., утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: [http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVA\]noBuKgH0qEJA9IхP7f2xm.pdf](http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVA]noBuKgH0qEJA9IхP7f2xm.pdf) (дата обращения: 12.08.2024).
28. Тоффлер Э. Шок будущего / ред., вступ. ст. П. С. Гуревич; пер. с англ. Е. Руднева, К. Бурмистров, И. Москвина-Тарханова [и др.]. М.: АСТ, 2002. 560 с.
29. Флиер А. Я. Аналитический комментарий к нормативной теории культуры // Культура культуры. 2023. № 3. С. 12–19.
30. Флиер А. Я. Генерализация понятия культурной формы // Вопросы культурологии. 2018. № 10. С. 30–37.
- ics: Research Methodology]. Moscow: Librokomm; URSS. pp. 183–191.
14. Kostina, A.V. & Flier, A.Ya. (2024) Ternarnaya funktsional'naya model' kul'tury (nachalo) [Ternary Functional Model of Culture (Beginning)]. *Kul'tura kul'tury*. 1. pp. 44–53.
15. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Translated From French by I. Polonskaya. Moscow: HSE. 384 p.
16. Lenin, V.I. (1973) *Maevka revolyutsionnogo proletariata* [Mayovka of the Revolutionary Proletariat]. In: *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 23. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 296–305.
17. Likhachev, D.S. (1980) *Ekologiya kul'tury* [Ecology of Culture]. In: *Pamyatniki Otechestva: al'manakh Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury* [Monuments of the Fatherland: Almanac of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments]. Vol. 2. pp. 10–16.
18. Lotman, Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow: Progress; Gnozis. 271 p.
19. McLuhan, M. (2003) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Translated From English by V.G. Nikolaev. Moscow; Zhukovskiy: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole. 462 p.
20. Malygina, I.V. (2021) [Cultural Studies “After Globalization”: Time to Gather Stones]. *Kul'turnoe nasledie — ot proshlogo k budushchemu* [Cultural Heritage — From the Past to the Future]. Program and Abstracts of Reports of the V Russian Cultural Studies Congress With International Participation. St. Petersburg. 8–10 November 2021. Moscow: Heritage Institute. pp. 34–35. (In Russian).
21. Marx, K. & Engels, F. (1959) *K kritike politicheskoy ekonomii* [Towards a Critique of Political Economy]. In: *Sobr. soch.* [Collected Works]. Translated From German. 2nd ed. Vol. 13. Moscow: Politizdat. 771 p.
22. Penrose, R. (2022) *Novyy um korolya. O komp'yuterakh, myshlenii i zakonakh fiziki* [The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and the Laws of Physics]. Translated From English by V. O. Malysenko. Moscow: URSS. 416 p.
23. Sinetskiy, S.B. (2014) [Concepts of “Retro” and “Future”: Current Indicators of Typology of Regions]. *Ekonomicheskie, yuridicheskie i sotsiokul'turnye aspekty razvitiya regionov* [Economic, Legal and Sociocultural Aspects of Regional Development]. Proceedings of the IX International Conference. Chelyabinsk. 14 November 2014. Chelyabinsk: Chelyabinsk Institute of Economics and Law Named After M. V. Ladoshin. pp. 196–199. (In Russian).
24. Sinetskiy, S.B. (2019) *Universal'nye prioritety i tsivilizatsionnye paradigmy kul'turnoy politiki v XXI veke* [Universal Priorities and Civilizational Paradigms of Cultural Policy in the 21st Century]. In: *Politika i kul'tura: problemy vzaimodeystviya v sovremennom mire: Sb. st.* [Politics and Culture: Problems of Interaction in the Modern World: Collection of Articles]. Budapest; Kirov: Selmechi Bt.; Raduga-PRESS. pp. 8–17.
25. Slepokurov, V.S. (2023) *Geopolitical Challenges and Strategic Goal Setting of the Russian Education System in*

31. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 24–30.
32. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007. 588 с.
33. Altvater E. Ecological and Economic Modalities of Time and Space // *Capitalism Nature Socialism*. 1989. Vol. 1, № 3. P. 59–70. DOI 10.1080/10455758909358384.
34. Altvater E. The Future of the Market: An Essay on the Regulation of Money and Nature after the Collapse of “Actually Existing Socialism” / Transl. P. Camiller. London: Verso, 1993. VI, 274 p.
35. Artificial Intelligence – Worldwide (n.d.) // Statista. URL: <https://www.statista.com/outlook/tmo/artificial-intelligence/worldwide> (Date of access: 21.04.2024).
36. Bakumenko G. V., Biryukov I. L., Scherbak N. F., Luginina A. G. Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practics // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. Vol. 5, № 2. С. 15–45. DOI 10.46539/gmd.v5i2.298.
37. Carlson T. The Tucker Carlson Encounter: Aleksandr Dugin // TCN. 2024, April 29. URL: <https://tucker-carlson.com/the-tucker-carlson-encounter-aleksandr-dugin> (Date of access: 20.06.2024).
38. Davies P. When Computers Take Over // *Nature*. 2006. Vol. 440, № 7083. P. 421–422. DOI 10.1038/440421a.
39. Grossman L. 2045: The Year Man Becomes Immortal. We’re Fast Approaching the Moment When Humans and Machines Merge. Welcome to the Singularity Movement // *Time*. 2011. February 10. URL: <https://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,2048299,00.html> (Date of access: 22.05.2024).
40. Harvey D. *Social Justice and the City*. Athens: University of Georgia Press, 2009. 368 p.
41. Harvey D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Chichester: Wiley-Blackwell, 1991. 392 p.
42. Korotayev A. The 21st Century Singularity and Its Big History Implications: A re-analysis // *Journal of Big History*. 2018. Vol. 2, № 3. P. 71–118. DOI 10.22339/jbh.v2i3.2329.
43. Kumar S. Fundamental limits to Moore’s Law // arXiv: Mesoscale and Nanoscale Physics. 2015. DOI 10.48550/arXiv.1511.05956.
44. Kurzweil R. *The Age of Intelligent Machines*. Cambridge: MIT Press, 1990. 580 p.
45. Kurzweil R. *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence*. London: Penguin Books, 2000. 388 p.
46. Kurzweil R. *The Law of Accelerating Returns* // *Alan Turing: Life and Legacy of a Great Thinker* / ed. C. Teuscher. s. l: Springer, 2004. P. 381–416. DOI 10.1007/978-3-662-05642-4_16.
47. Kurzweil R. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. New York: Viking Press, 2005. 672 p.
48. Latour B. Ecological Mutation and Christian Cosmology Critical Zones: A Lecture for the International Congress of the European Society for Catholic Theology (Osna-brück, August 2021) / transl. S. Ferguson // Bruno Latour, the Field of Culture. *Kul'tura i obrazovanie*. 3 (50). pp. 5–14. (In Russian). DOI: 10.2441/2310-1679-2023-350-5-14
26. Stepin, V.S. (2001) Kul'tura [Culture]. In: Gritsanov, A.A. (ed.) *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* [World Encyclopedia: Philosophy]. Moscow: AST; Minsk: Kharvest, *Sovremennyy literator*. pp. 524–526.
27. Government of the Russian federation. (2016) *Strategy of State Cultural Policy for the Period up to 2030 Approved by Order of the Government of the Russian Federation Dated 29 February 2016 No. 326-R*. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (Accessed: 12.08.2024). (In Russian).
28. Toffler, A. (2002) *Shok budushchego* [Future Shock]. Translated From English by E. Rudneva, K. Burmistrov, I. Moskvina-Tarkhanova [et al.]. Moscow: AST. 560 p.
29. Flier, A.Ya. (2023) *Analiticheskiy kommentariy k normativnoy teorii kul'tury* [Analytical Commentary on the Normative Theory of Culture]. *Kul'tura kul'tury*. 3. pp. 12–19.
30. Flier, A.Ya. (2018) *Generalizatsiya ponyatiya kul'turnoy formy* [Generalization of the Concept of Cultural Form]. *Voprosy kul'turologii*. 10. pp. 30–37.
31. Flier, A.Ya. (2015) *Kul'turnaya atributsiya kak metod issledovaniya* [Cultural Attribution as a Research Method]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 6 (68). pp. 24–30.
32. Fukuyama, F. (2007) *Konets istorii i posledniy chelevok* [The End of History and the Last Man]. Translated From English by M. B. Levin. Moscow: AST. 588 p.
33. Altvater, E. (1989) Ecological and Economic Modalities of Time and Space. *Capitalism Nature Socialism*. 1 (3). pp. 59–70. DOI: 10.1080/10455758909358384
34. Altvater, E. (1993) *The Future of the Market: An Essay on the Regulation of Money and Nature after the Collapse of “Actually Existing Socialism”*. Transl. By P. Camiller. London: Verso. 274 p.
35. Statista. (2024) *Artificial Intelligence — Worldwide*. [Online] Available from: <https://www.statista.com/outlook/tmo/artificial-intelligence/worldwide> (Accessed: 21.04.2024).
36. Bakumenko, G.V. et al. (2023) Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practics. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 5 (2). pp. 15–45. DOI: 10.46539/gmd.v5i2.298
37. Carlson, T. (2024) *The Tucker Carlson Encounter: Aleksandr Dugin*. TCN. 29 April. [Online] Available from: <https://tucker-carlson.com/the-tucker-carlson-encounter-aleksandr-dugin> (Accessed: 20.06.2024)
38. Davies, P. (2006) When Computers Take Over. *Nature*. 440 (7083). pp. 421–422. DOI: 10.1038/440421a
39. Grossman, L. (2011) 2045: The Year Man Becomes Immortal. We’re Fast Approaching the Moment When Humans and Machines Merge. Welcome to the Singularity Movement. *Time*. 10 February. [Online] Available from: <https://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,2048299,00.html> (Accessed: 22.05.2024).
40. Harvey, D. (2009) *Social Justice and the City*. Athens: University of Georgia Press. 368 p.

- 2011–2024. URL: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/177-OSNABRUCK-GB.pdf> (Date of access: 15.08.2024).
49. Lindsay G. Future Shock at 40: What the Tofflers Got Right (and Wrong) // *Fast*. 2010. 15 October. URL: <https://www.fastcompany.com/1695307/future-shock-40-what-tofflers-got-right-and-wrong> (Date of access: 09.08.2024).
50. Marx K. Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy / transl. by M. Nicolaus. London: Penguin, 1993. 912 p.
51. Massey D. Space, Place, and Gender. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. 288 p.
52. Mazzucato M. The Value of Everything. New York: PublicAffairs Books, 2018. 384 p.
53. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: the Making of Typographic Man. Toronto: University of Toronto Press, 1962. 294 p.
54. McLuhan M. The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man. New York: The Vanguard Press, 1951. 464 p.
55. Moore G. E. Cramming More Components onto Integrated Circuits // *IEEE Solid-State Circuits Society Newsletter*. 2006. Vol. 11, № 3. P. 33–35. DOI 10.1109/N-SSC.2006.4785860.
56. Radanliev P, Roue D. De, Maple C., Santos O. Forecasts on Future Evolution of Artificial Intelligence and Intelligent Systems // *IEEE Access*. 2022. Vol. 10. P. 45280–45288. DOI 10.1109/ACCESS.2022.3169580.
57. Rosa H. Alienation and Acceleration. Towards a Critical Theory of Late-Modern Temporality. Natchitoches: NSU Press, 2010. 111 p.
58. Rosa H. Demokratie braucht Religion. Berlin: Kösel-Verlag, 2022. 80 s.
59. Rosa H. Unverfügbarkeit (Unruhe bewahren). Berlin: Residenz Verlag, 2018. 123 s.
60. Schneider K. Heidi Toffler, Unsung Force Behind Futurist Books, Dies at 89 // *The New York Times*, 2019. 12 February. URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/12/obituaries/heidi-toffler-dead.html> (Date of access: 09.08.2024).
61. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. London: Penguin, 2017. 192 p.
62. The Science and Politics of Landing on Earth / eds. B. Latour, P. Weibel. Cambridge: MIT Press, 2020. 560 p.
63. Toffler A. The Future as a Way of Life // *Horizon magazine*. 1965. Vol. 7, № 3. P. 108–117.
64. Witkowski W. 'Moore's Law's dead,' Nvidia CEO Jensen Huang Says in Justifying GaSming-Card Price Hike // *MarketWatch*, 2022, September 22. URL: <https://www.marketwatch.com/story/moores-laws-dead-nvidia-ceo-jensen-says-in-justifying-gaming-card-price-hike-11663798618> (Date of access: 10.08.2024).
41. Harvey, D. (1991) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Chichester: Wiley-Blackwell. 392 p.
42. Korotayev, A. (2018) The 21st Century Singularity and Its Big History Implications: A Re-Analysis. *Journal of Big History*. 2 (3). pp. 71–118. DOI: 10.22339/jbh.v2i3.2329
43. Kumar, S. (2015) *Fundamental limits to Moore's Law*. arXiv: Mesoscale and Nanoscale Physics. DOI: 10.48550/arXiv.1511.05956
44. Kurzweil, R. (1990) *The Age of Intelligent Machines*. Cambridge: MIT Press. 580 p.
45. Kurzweil, R. (2000) *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence*. London: Penguin Books. 388 p.
46. Kurzweil, R. (2004) The Law of Accelerating Returns. In: Teuscher, C. (ed.) *Alan Turing: Life and Legacy of a Great Thinker*. S.l.: Springer. pp. 381–416. DOI: 10.1007/978-3-662-05642-4_16
47. Kurzweil, R. (2005) *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. New York: Viking Press. 672 p.
48. Latour, B. (2021) *Ecological Mutation and Christian Cosmology Critical Zones: A Lecture for the International Congress of the European Society for Catholic Theology* (Osnabrück, August 2021). Transl. by S. Ferguson. Bruno Latour, 2011–2024. [Online] Available from: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/177-OSNABRUCK-GB.pdf> (Accessed: 15.08.2024).
49. Lindsay, G. (2010) *Future Shock at 40: What the Tofflers Got Right (and Wrong)*. *Fast*. 15 October. [Online] Available from: <https://www.fastcompany.com/1695307/future-shock-40-what-tofflers-got-right-and-wrong> (Accessed: 09.08.2024).
50. Marx, K. (1993) *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy*. Transl. by M. Nicolaus. London: Penguin, 912 p.
51. Massey, D. (1994) *Space, Place, and Gender*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 288 p.
52. Mazzucato, M. (2018) *The Value of Everything*. New York: PublicAffairs Books. 384 p.
53. McLuhan, M. (1962) *The Gutenberg Galaxy: the Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto Press. 294 p.
54. McLuhan, M. (1951) *The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man*. New York: The Vanguard Press. 464 p.
55. Moore, G.E. (2006) Cramming More Components onto Integrated Circuits. *IEEE Solid-State Circuits Society Newsletter*. 11 (3). pp. 33–35. DOI: 10.1109/N-SSC.2006.4785860
56. Radanliev, P. et al. (2022) Forecasts on Future Evolution of Artificial Intelligence and Intelligent Systems. *IEEE Access*. 10. pp. 45280–45288. DOI: 10.1109/ACCESS.2022.3169580
57. Rosa, H. (2010) *Alienation and Acceleration. Towards a Critical Theory of Late-Modern Temporality*. Natchitoches: NSU Press. 111 p.
58. Rosa, H. (2022) *Demokratie braucht Religion*. Berlin: Kösel-Verlag. 80 S.
59. Rosa, H. (2018) *Unverfügbarkeit (Unruhe bewahren)*. Berlin: Residenz Verlag. 123 S.

60. Schneider, K. (2019) Heidi Toffler, Unsung Force Behind Futurist Books, Dies at 89. *The New York Times*. 12 February. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2019/02/12/obituaries/heidi-toffler-dead.html> (Accessed: 09.08.2024).

61. Schwab, K. (2017) *The Fourth Industrial Revolution*. London: Penguin. 192 p.

62. Latour, B. & Weibel, P. (eds) (2020) *The Science and Politics of Landing on Earth*. Cambridge: MIT Press. 560 p.

63. Toffler, A. (1965) The Future as a Way of Life. *Horizon Magazine*. 7 (3). pp. 108–117.

64. Witkowski, W. (2022) 'Moore's Law's dead,' Nvidia CEO Jensen Huang Says in Justifying GaSming-Card Price Hike. MarketWatch. 22 September. [Online] Available from: <https://www.marketwatch.com/story/moores-laws-dead-nvidia-ceo-jensen-says-in-justifying-gaming-card-price-hike-11663798618> (Accessed: 10.08.2024).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Слепокуров, В. С. Нормативные функции культуры в условиях ускорения социального времени / В. С. Слепокуров. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.39.3.005 // Наследие веков. – 2024. – № 3. – С. 76–91. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/___/___ (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Slepokurov, V.S. (2024) Normative Functions of Culture in the Context of Social Time Acceleration. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 76–91. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.005.